

— Потеря памяти? — Юй Шаонин не на шутку разволновался. — Как это возможно?

Врач пояснил, что это временная амнезия, вызванная давлением гематомы на мозговые центры. Как только кровь рассосётся, память вернётся. В этот период пациенту лучше находиться в окружении знакомых людей — это ускорит процесс восстановления.

Словом, всё шло по канонам самого избитого романа в жанре «собачьей крови».

Цинь Ли, выслушав вердикт, нахмурился.

— Обязательно ли его должны окружать близкие? — спросил он.

Врач утвердительно кивнул:

— Да, сейчас наступило самое благоприятное время для реабилитации. Будет лучше, если он сам начнёт всё вспоминать...

Выслушав рекомендации, Цинь Ли поблагодарил доктора. Как только тот вышел, президент покинул палату и набрал номер.

— Муюнь, тут такое дело...

Когда раздался звонок, Чэн Муюнь уже сидел в аэропорту, ожидая начальника. Ранее они планировали совместную командировку в город Б, но перед самым отъездом позвонил Юй Шаонин и сообщил, что Сун Цзинчэнь пришёл в себя.

Как ни крути, Цзинчэнь защитил Цинь Ли во время аварии, да и старая дружба обязывала — Ли просто не мог уехать, не навестив его. Получив согласие и понимание Чэн Муюня, президент отправился в больницу.

Выслушав объяснения в трубке, ассистент язвительно поинтересовался:

— То есть ты хочешь сказать, что остаёшься там, чтобы помогать ему возвращать память?

Цинь Ли помолчал секунду, прежде чем ответить:

— Такова рекомендация врача. Муюнь, я... ты ведь знаешь, отец Цзинчэня когда-то очень помог мне. Если бы не он, я бы, наверное, бросил школу после девятого класса и пошёл бродяжничать.

Муюнь уловил скрытый смысл и едва сдержал радостное возбуждение.

«Наконец-то! Я наконец-то могу расслабиться! Расставание, скорее расставание! Пусть Ли поскорее осознает всю прелесть своего "белого лунного света" и катится на все четыре стороны»

— Я задержусь здесь на несколько дней. Как только Цзинчэню станет лучше, я прилечу к тебе в город Б, хорошо?

...

Муюнь не верил своим ушам. Такой шанс, а Цинь Ли даже не заикнулся о разрыве! Неужели он не тронут самопожертвованием Цзинчэня? Совесть его совсем не мучает?

— Что случилось? — в голосе собеседника проскользнула тревога.

Муюнь ответил ровным, бесстрастным тоном:

— На сколько ты задержишься?

— Не знаю.

Ассистент вдруг коротко, почти по-доброму рассмеялся:

— Я понял. В конце концов, он пострадал, спасая тебя. Оставайся и присматривай за ним, а дела в городе Б я возьму на себя.

— Тогда... спасибо тебе.

Раз в год Цинь Ли обязательно посещал филиал в городе Б для проверки. В этот раз из-за травмы он не мог поехать сам, так что его место закономерно занял личный помощник.

Как только Чэн Муюнь повесил трубку, он получил уведомление от Системы.

[Шкала прогресса восстановилась и достигла отметки 80%]

В прекрасном расположении духа Муюнь в одиночестве поднялся на борт самолёта. Глядя на облака за окном, он сокрушённо покачал головой.

«Потеря памяти... Я знал, что это дешёвый романчик, но не думал, что настолько. Знаешь, мне

стоило еще тогда огреть Цинь Ли настольной лампой — он бы точно заработал образцовую амнезию»

Система вздохнула:

«Будь человеком, Муюнь. Я уже устала это повторять»

«Просто я хочу на пенсию. Когда уже я смогу забрать свои денежки и свалить в закат? Босс остался дома крутить любовь, а я вкалываю в командировке как проклятый. Слишком тяжкая доля»

Опасаясь, как бы Муюнь и впрямь не прибил главного героя, Система решила сменить тему:

«Я тут проанализировала колебания шкалы за последнее время, сопоставив их с данными из базы»

Муюнь удивился:

«Ого, у тебя и такая функция есть? А я думал, ты умеешь только тревогу бить да вопросы дурацкие задавать»

Игнорируя шпильку, Система продолжила:

«Амнезия Сун Цзинчэня — это, скорее всего, сработал механизм самокоррекции сюжета. Ты уже достиг 75% завершенности, и теоретически это должно было запустить процесс выравнивания»

Ещё при входе в этот мир Система Преодоления Испытаний предупреждала: стоит пройти несколько ключевых точек, и сюжет сам покатится в нужном направлении. Так что Чэн Муюнь не особо удивился.

«То есть ты намекаешь, чтобы я строго придерживался ампула и не выпендривался?»

«Именно. Одно неверное движение — и шкала обнулится, глазом моргнуть не успеешь»

«...Ну, не до такой же степени»

Несмотря на браваду, Муюнь признал правоту Системы. Поэтому следующие две недели он ревностно отыгрывал роль «Чэн Муюня»: и в работе, и в жизни юноша был безупречен.

Время шло, и Муюнь, согласно плану, перевёл своё ампула «одержимого любовника» на новый

уровень. Он ежедневно названивал Цинь Ли по видеосвязи, требуя полного отчёта о каждом его шаге. Дошло до того, что президенту приходилось стоять в гардеробной с телефоном в руках, пока ассистент подбирал ему одежду на день.

Казалось, Ли вот-вот сорвётся. Вот и сейчас — Муюнь звонил уже в третий раз, но трубку никто не брал. Проявив ангельское терпение, юноша подождал десять минут и набрал снова, при этом на его лице застыла странная, едва заметная улыбка.

Системе стало не по себе:

«Ты сейчас выглядишь как настоящий маньяк. Перестань улыбаться»

Муюнь вздохнул:

«Ну как ты можешь так говорить? За этот месяц я открыл в Цинь Ли столько новых забавных сторон. Это чувство... оно прекрасно»

Система подумала, что в механизме испытаний точно есть какой-то изъян. Свойство «усиления негативных черт характера», наложенное на такого бессердечного человека, как Чэн Муюнь, давало поистине пугающий эффект.

На четвёртый раз Ли наконец ответил. Судя по фону, он был в больнице. Муюнь ласково улыбнулся в камеру.

Цинь Ли же, напротив, нахмурился:

— Не улыбайся так.

Это не была улыбка того Муюня, которого он знал. Она ему не нравилась.

Ассистент ничуть не обиделся:

— Чем ты был занят? Почему не отвечал?

— Цзинчэнь только что вспомнил кое-что важное, а потом у него разболелась голова, и он упал в обморок. Была страшная суматоха, я не слышал звонка.

Улыбка сползла с лица Муюня.

— Вспомнил, значит? — повторил он. — И что же именно?

— Кажется, что-то из детства. Сейчас Шаонин говорит с врачами, я пока не знаю подробностей.

— Раз он начал вспоминать, значит, ты можешь приехать ко мне? Ты там больше не нужен. Прилетай сегодня вечером, хорошо? Я куплю тебе билет на восемь вечера и скину в мессенджер.

Цинь Ли заколебался:

— Прости, Муюнь. Здесь ещё много неоконченных дел, я пока не смогу приехать.

Получив отказ, Чэн Муюнь сохранил на удивление мягкое выражение лица:

— Я куплю билет и пришлю тебе код.

Он говорил так естественно, словно и не слышал возражений. Цинь Ли хотел было сказать что-то успокаивающее, но Муюнь просто сбросил вызов. На ответные звонки тот больше не реагировал.

Ли долго смотрел на экран смартфона, но, вопреки ожиданиям Муюня, не вернулся в палату к Сун Цзинчэню. Вместо этого он развернулся и пошёл к выходу из больницы.

Сев в машину, Ли не стал заводить мотор. Он принялся методично перелистывать их с ассистентом переписку за последние две недели. Сообщений было немного — в основном видеозвонки. Сначала они созванивались один-два раза в день, потом частота выросла до пяти-шести раз, а в последние два дня Муюнь звонил буквально каждые два часа.

Цинь Ли давно заметил, что с его помощником творится что-то неладное. Ещё с той истории с выбором одежды перед благотворительным вечером Ли чувствовал странность. Череда последующих событий не давала ему времени задуматься — он только и делал, что пытался извиниться и помириться.

Однако за время их разлуки проблем становилось всё больше. Жажда контроля у Чэн Муюня приобрела почти болезненный характер. Каждое утро он звонил по видеосвязи и заставлял Ли идти в гардеробную, чтобы лично выбрать ему наряд. Раньше Цинь Ли думал, что Муюнь делает это потому, что сам Ли равнодушен к внешнему виду и лишен вкуса.

Но теперь стало ясно: всё гораздо сложнее. Именно поэтому Цинь Ли отклонил предложение Муюня прилететь сегодня. Помолчав в тишине салона, он набрал номер.

— Доктор Ли, здравствуйте. Я сделал так, как вы советовали — отказался от его предложения... Да, хорошо.

***

Тем временем Чэн Муюнь в городе Б невозмутимо открыл приложение и купил билет на восьмичасовой рейс, отправив скриншот Цинь Ли. Тот пытался перезвонить по видеосвязи, но Муюнь сбрасывал, не глядя, мастерски отыгрывая роль истеричного, ревнивого и невменяемого любовника.

Впрочем, Ли позвонил лишь раз и больше не объявлялся.

В одиннадцать вечера — время, когда самолёт должен был приземлиться в городе Б — всё было тихо. Никаких неожиданных гостей. Муюнь с мрачным лицом выключил телефон, погасил в номере свет и сел у панорамного окна, глядя в ночную мглу. Он не двигался и не произносил ни звука. С прямой спиной и застывшим взглядом юноша походил на безжизненную куклу, и только редкие моргания выдавали в нём человека.

Система, не выдержав этого затянувшегося приступа «болезни», подала голос:

«Слушай... шкала прогресса сдвинулась»

«Ой, какая я умница»

«...Почему мне кажется, что ты улыбаешься через силу?» — Система явно сомневалась. С самого обеда у него было лицо покойника.

Муюнь понял, о чём она:

«Цинь Ли вышел из-под контроля, и у меня действительно началось небольшое обострение. Но причина не в этом»

«А в чём тогда?»

«Я тут на днях почитал одну книгу об иммерсивном театре. Там была мысль: чтобы образ был по-настоящему взрывным в нужный момент, актёр должен оставаться в роли, даже когда он не на сцене»

Система окончательно убедилась: Муюнь просто ненормальный. Скорее бы уже починить этот мир, а то одержимый Чэн Муюнь — зрелище не для слабонервных.

«Я знаю, что ты меня ругаешь, но колебания шкалы доказывают мою правоту. Видишь? Цинь Ли не прилетел, а остался там с Цзинчэнем. Это всё благодаря моей иммерсивной игре»

Занавес. Закончив спектакль, Муюнь потянулся и пошёл в ванную. Результат был достигнут, и он в прекрасном настроении решил устроить себе выходной: никакой сверхурочной работы, только здоровый сон.

Благодаря «баффу» от шкалы прогресса Муюнь спал как убитый — без сновидений и даже без привычных кошмаров о том, как он в Мире наказания пресмыкается перед Сяо Ичуанем.

На следующее утро Муюнь впервые проспал. Его разбудил настойчивый звон в дверь. Спросонья он решил, что это принесли завтрак, и поплёлся открывать, но стоило ему распахнуть дверь, как сон мгновенно улетучился.

На пороге стоял человек, которого здесь быть никак не должно — Цинь Ли. Ассистент замер, в недоумении моргая, и выдал совершенно не соответствующее образу:

— Ты... как ты здесь оказался?

Цинь Ли тихо рассмеялся, шагнул вперёд и мягко обнял его.

— Ты ведь сам просил меня приехать, разве нет? — прошептал он на ухо.

«Что?! Что за дела? Проигнорировал мой билет и прилетел ночным рейсом сам? Ты что, больной?»

Пока Муюнь пребывал в ступоре, его ноздрей коснулся тонкий аромат мяты. Приятный, но совершенно чужой. Это был не тот парфюм с древесными нотами, который Чэн Муюнь лично выбирал для него.

Мизинец на левой руке ассистента нервно дёрнулся. Тот резко отстранился от Цинь Ли и, нахмурившись, спросил:

— Что это за запах?

Сделав шаг назад, он заметил ещё одну странность. Стиль одежды Цинь Ли сегодня не отличался от привычного — тот же крой, та же элегантная простота. Но это был не тот комплект, который Муюнь подобрал для него.

Лицо юноши мгновенно потемнело. Он отвел взгляд от одежды. Костюм сидел на Ли идеально, и это Муюнь готов был стерпеть, но этот детский, приторно-мятный запах был выше его сил. Он повторил вопрос, чеканя каждое слово:

— Я спрашиваю: что это за запах? Почему на тебе не тот парфюм, который я купил? Кто этот "очень важный человек", подаривший тебе новые духи?

Тон его был язвительным, почти агрессивным. Цинь Ли, услышав это, наконец-то почувствовал облегчение.

Он сменил парфюм и надел другую одежду по совету доктора Ли. Это был тест, призванный определить, насколько глубоко зашла «болезнь» Муюня. Теперь ситуация прояснилась. Муюню было плевать на новую одежду, его задел только сменившийся аромат. По словам доктора, это говорило лишь о легкой степени одержимости. Никакой психиатрии — просто нужно уделять больше внимания деталям в быту, чтобы восстановить доверие партнёра.

Цинь Ли мягко улыбнулся:

— Прости. Твой парфюм закончился, и я взял пробник, который лежал рядом. Просто подвернулся под руку.

Муюнь ничего не ответил. Он холодно отстранил руку Цинь Ли и ушёл в ванную. Ледяная вода помогла вернуть рассудок. Он поднял голову и посмотрел на своё отражение в зеркале: растрёпанные волосы, острый взгляд, слишком бледная кожа.

«Ты как?» — участливо спросила Система.

«Всё в порядке, я контролирую ситуацию. Зачем Цинь Ли приехал? Выведи мне сценарий, нужно свериться»

Система Преодоления Испытаний послушно развернула перед ним текст:

[Сценарная сводка]

[После того как Цинь Ли отослал Чэн Муюня, Сун Цзинчэнь из других источников узнаёт, что Цинь Ли держал ассистента в качестве «замены». Он находит это неприемлемым и отдаляется от Цинь Ли. Отношения между ними замерзают. Поворот наступает в годовщину смерти отца Сун Цзинчэня: Цинь Ли получает травму, защищая его. Тронутый Сун Цзинчэнь прощает его, однако травма ноги Чэн Муюня вносит новый разлад в их чувства...]

Детали аварии действительно разошлись с текстом. Пострадал Сун Цзинчэнь, причём серьёзно, но это только ускорило развитие чувств между главными героями. А то, что Муюнь ещё не расстался с Ли, вполне укладывалось в рамки роли «небольшого препятствия».

Рост шкалы прогресса подтверждал догадки Муюня. Значит, нужно было усилить напор, довести Цинь Ли до белого каления и добиться скорейшего разрыва. Он считал, что его игра даёт плоды: вчера Ли отказался прилетать, и всё шло по плану. Но кто мог предсказать, что утром он явится без предупреждения? У Муюня уже развивалось подобие ПТСР на непредсказуемое поведение босса.

Чэн Муюнь глубоко вздохнул.

«Что там со шкалой?»

«Списали... списали 5%»

У юноши перехватило дыхание, в глазах потемнело.

«Так не пойдёт. Сцена расставания должна состояться любой ценой»

«Ты... только успокойся»

Муюнь посмотрел в зеркало и натянуто улыбнулся.

«Я совершенно спокоен. Просто пришло время для радикальных мер. Нужно выставить его отсюда»

Отражение в зеркале — иссиня-чёрные волосы, белая кожа, разрез глаз феникса. Без улыбки это лицо казалось холодным и отстранённым, но стоило Муюню улыбнуться, как в глазах зажегся ласковый свет, словно в них упали все звёзды небосвода.

Цинь Ли прождал в комнате минут десять. Не дождавшись ассистента, он забеспокоился и уже собрался постучать. В этот момент дверь ванной открылась.

— Зачем ты приехал так внезапно?

Тон Муюня был мягким, он снова выглядел как привычный Чэн Муюнь. Цинь Ли встал, подошёл к нему и принялся бережно вытирать его волосы полотенцем.

— Дела там закончены. Разумеется, я должен был приехать к тебе.

— Не доверяешь мне вести дела здесь? — Муюнь игриво приподнял бровь, словно поддразнивая.

Ли опустил глаза, глядя на его мокрые волосы, и сердце его наполнилось нежностью.

— Нет. Просто соскучился.

Юноша внезапно подался вперёд и обвил руками шею президента. Тот замер от неожиданности, а Муюнь улыбнулся. Улыбка коснулась его ясных глаз, рассыпаясь искрами,

точь-в-точь как много лет назад.

Сердце Цинь Ли забилося чаще. Глядя на эти приоткрытые губы, он вспомнил свою первую встречу с этим парнем. Тогда ему в голову пришла мысль: «Такая форма губ идеально создана для поцелуев». Теперь же губы были совсем рядом. Достаточно было просто склонить голову.

Повинуясь порыву, Цинь Ли коснулся их поцелуем. Но стоило ему углубить его, Муюнь вдруг спросил:

— Знаешь, почему я перестал тебе улыбаться?

Их губы разделяли миллиметры, дыхание переплеталось — со стороны они казались идеальной парой. Ли замер и чуть отстранился.

— Почему?

Муюнь снова улыбнулся — ласково, одними глазами, но его нежные губы произнесли слова, которые ударили наотмашь:

— Потому что ты сам сказал: моя улыбка делает меня непохожим на него.

Зрачки Цинь Ли сузились. Он словно оледенел, всё его тело застыло в оцепенении. Муюню же этого показалось мало:

— Я подумал: раз уж меня содержат как "замену", нужно быть профессионалом, не так ли? Раз тебе кажется, что не похоже — значит, я больше не буду улыбаться.

— Нет, это не... — Ли попытался возразить, но понял, что оправданий нет. В самом начале он действительно позволил Муюню приблизиться только из-за его сходства с Сун Цзинчэнем. И то нелепое соглашение о содержании... Нормальные отношения не должны так начинаться.

Цинь Ли в изнеможении сел на кровать, уперев локти в колени и закрыв лицо ладонями. За все тридцать лет жизни он не чувствовал себя таким раздавленным. Он начал сомневаться: не помрачение ли рассудка нашло на него несколько лет назад? Какая «замена»? Какой «контракт»? Это ведь бред, в который он ввязался, словно одержимый.

Цинь Ли долго молчал. Чэн Муюнь некоторое время смотрел на него сверху вниз, а затем молча отошёл к панорамному окну.

Отель стоял на самом берегу реки. Вид отсюда открывался потрясающий: мутные воды, текущие к морю, и медленно ползущие по ним баржи. Муюнь распахнул окно. Утренний ветер ворвался в комнату, разгоняя застоявшееся напряжение. Гулкий гудок парохода донёсся с

реки, заставив человека прийти в себя.

Первая паника прошла, и Цинь Ли немного успокоился. Перед отъездом доктор Ли дал ему немало советов о том, как восстановить доверие партнёра, и честность была первым из них. Ли планировал действовать постепенно, но Муюнь сам пошёл в атаку. Он осознал: время откровений пришло. Если не вырезать гниль из раны сейчас, она убьёт всё живое.

Цинь Ли не привык убегать от проблем. Что бы ни ждало его впереди, он решил встретиться это лицом к лицу. Он подошёл к Чэн Муюню и тоже уставился на текущую внизу реку.

— Нам нужно поговорить, хорошо?

— Да. — Лицо Муюня оставалось холодным. — Вообще-то я давно ждал, когда ты решишься на правду.

— В прошлом я действительно любил Сун Цзинчэня.

— Так просто? — Муюнь внезапно стал резким. — Не "в прошлом", а любил до беспамятства. Он — твой "белый лунный свет". И чтобы хоть как-то утешиться, ты нашёл меня, это ничтожное подобие...

— Чэн Муюнь! — Ли резко прервал его, грудь его тяжело вздымалась от едва сдерживаемого гнева.

«Отлично»

Юноша обернулся и посмотрел Цинь Ли прямо в глаза. Игнорируя гнев начальника, он продолжил играть роль убитого горем любовника:

— Я начал подозревать это в ту самую секунду, когда увидел Сун Цзинчэня. Когда он вышел из самолёта, я всё понял. Понял, почему ты вообще обратил внимание на такого обычного человека, как я. Оказывается, ты просто искал тень другого человека в моём лице.

Последняя фраза прозвучала совсем тихо, почти утонув в шуме, доносившемся с улицы. Цинь Ли долго всматривался в профиль ассистента. Он решил твердо придерживаться своего плана.

— Я не отрицаю: когда мы познакомились, я еще не окончательно забыл... Цзинчэня. Я позволил тебе сблизиться со мной именно из-за вашего сходства. — Ли замолчал на мгновение, затем достал из сумки папку. — И даже подписал эту нелепую бумагу.

Он приехал сюда, намереваясь покончить с прошлым, и захватил контракт с собой. Чэн Муюнь не взял папку, лишь мельком взглянул на содержимое. Это было то самое соглашение о

содержании.

«Система, ну где хоть капля логики в вашем сценарии? Такие контракты юридически ничтожны, их никто в здравом уме подписывать не станет!»

«Подпись-то там твоя стоит» — парировала Система.

Муюнь промолчал. Первые пару лет они, возможно, и следовали договору, но потом оба словно по негласному уговору перестали о нём упоминать. Где Ли вообще его откопал?

Видя, что Муюнь не притрагивается к папке, Ли не рассердился. Он взял контракт и на глазах у ассистента разорвал его пополам.

— Я признаю — я совершил ошибку. Глупую, позорную ошибку. Но я давно забыл о Сун Цзинчэне. Почти сразу после нашего знакомства... Муюнь, ты сможешь меня простить?

Юноша долго смотрел на него. Его глаза покраснели, но он решительно покачал головой:

— Нет. Я не могу. Всё это время я не сплю ночами. Стоит мне увидеть тебя, как я вспоминаю... Я не могу это отпустить.

Рука Цинь Ли заметно дрогнула. В комнате повисла тяжелая тишина. А снаружи снова зарядил дождь. Еще десять минут назад светило яркое солнце, но теперь небо затянуло тучами. Цинь Ли долго вглядывался в лицо Чэн Муюня, но тот не выказал ни капли сочувствия.

Ли заметил, что пальцы левой руки его помощника снова мелко дрожат. Его сердце сжалось от острой боли. Он понял, что нельзя больше давить на него.

— Ты всё решил? — наконец спросил он.

Муюнь кивнул:

— Да.

Цинь Ли вдруг коротко и невесело усмехнулся:

— Да, я кругом виноват перед тобой. И сейчас так просто заявлять, что всё в прошлом — это было бы слишком легкомысленно. Если ты настаиваешь... давай расстанемся на какое-то время.

— Хорошо, — тихо отозвался Муюнь.

Цинь Ли встал.

— Я ухожу.

Только когда за ним закрылась дверь, юноша позволил себе расслабиться. Он подошел к кровати и плашмя рухнул на матрас. Спустя пару минут он перевернулся на спину и выдохнул:

— Как же утомительно притворяться.

Спустя мгновение в голове радостно заверещала Система:

«Шкала! Шкала наконец-то сдвинулась! 95%! Победа близка! Еще немного, и мы сможем покинуть этот мир!»

Муюнь обрадовался, но тут же спохватился:

«А куда я попаду после завершения этой ветки? Покину систему испытаний? Вернусь в Царство Богов ждать следующего задания?»

«Э-э... ну...» — Система замялась.

«Ха, похоже, меня ждёт возвращение в Мир наказания. И ради чего я тогда так надрываюсь? Может, лучше растянуть оставшиеся проценты на пару лет? Кому охота возвращаться и снова пресмыкаться перед Сяо Ичуанем?»

Система Преодоления Испытаний запаниковала:

«Успокойся! Послушай, мне тут сверху передали: если этот мир будет восстановлен идеально, то по возвращении в Мир наказания тебе не станут принудительно навязывать чувства к герою»

Чэн Муюнь уловил подвох:

«То есть просто не будут вдалбливать "любовь"? Звучит подозрительно»

Система сдалась:

«Просто... ну... Мир наказания — это тоже полноценная сюжетная реальность. Твоё поведение должно быть логичным. Ты не можешь вести себя совсем уж неадекватно»

Муюнь всё понял. Если не будут насильно заставлять любить, решение всегда найдётся. Например, он может разыграть амнезию. Что может быть логичнее после потери памяти, чем напрочь забыть о таком придурке, как Сяо Ичуань? Эту блестящую идею ему подсказал сам Сун Цзинчэнь.

Муюнь довольно улыбнулся и натянул одеяло, решив поспать еще часок. А что касается работы... Раз уж они расстались, то с какой стати ему вкалывать на Цинь Ли?

***

Покинув отель, Цинь Ли заехал в филиал. Следующие два дня он провёл там, практически не выходя из офиса. Закончив с делами, он вылетел обратно в город А. Вернувшись домой, он провёл весь следующий день на втором этаже, методично избавляясь от всего, что напоминало о Сун Цзинчэне. Комната самого Цзинчэня была уже пуста, теперь Ли наводил порядок в своей старой спальне.

Перебирая вещи одну за другой, Цинь Ли осознал: всё это просто стало для него неважным. Он без колебаний выбрасывал в пакеты всё: от школьной формы до общих учебников. Когда уборка была закончена, позвонил А Фэн. Сун Цзинчэня выписывали, и друзья решили устроить ужин.

Цинь Ли вспомнил, как все эти годы его друзья молчаливо игнорировали Чэн Муюня. Раньше Ли не придавал этому значения, но теперь это ощущение застряло у него в горле костью. Он решил пойти. Муюнь — его избранник, и если друзья не могут уважать этот выбор, значит, им не по пути.

Ужин проходил в уютном частном ресторанчике. Когда дверь распахнулась, в комнате оказался только один человек — Сун Цзинчэнь. Цинь Ли помедлил секунду, но всё же вошёл.

— Где остальные? — прямо спросил он.

Цзинчэнь на мгновение замялся:

— Садись пока.

Его память еще не полностью восстановилась. Однако в одном Сун Цзинчэнь был уверен абсолютно: он влюбился в Цинь Ли. Стоило ему открыть глаза после комы, как сердце пустилось вскачь. В день выписки Ли не было, и А Фэн обронил: «Ли ради тебя даже дела бросил». Затем друзья начали выкладывать подробности: как Ли сорвался из командировки на его день рождения, как выкупил вещь отца, как поранил руку, защищая его...

Цзинчэнь решил ответить взаимностью. Память о юности становилась необычайно яркой. Он вспоминал, как Ли всегда защищал его и копил деньги, чтобы прилететь к нему. Его

переполняли чувства. Цзинчэнь смотрел на волевое лицо человека напротив.

— Они еще не пришли? — голос Цинь Ли прервал его мысли. — Позвоню им.

Цзинчэнь в панике затараторил:

— Ли! Я хотел поговорить с тобой! Всё то время, что я был в больнице, ты каждый день приходил ко мне. Я очень тебе благодарен.

Конечно, Цинь Ли никогда не оставался с ним наедине. Но для такого фаната работы, как Ли, даже полчаса в день казались Цзинчэню исключительной привилегией.

— Не стоит. В той аварии ты пытался закрыть меня собой. Дружеский долг обязывал меня помочь тебе, — ровно ответил Цинь Ли.

Цзинчэнь замер. Удар был таким сильным, что он даже не расслышал, что тот сказал дальше.

— Я защитил тебя? — пробормотал он. — Но разве это не ты пострадал, спасая меня? Твоя рука...

Ли удивился:

— Руку я порезал стеклом. Я был пристегнут и не смог бы дотянуться до тебя. А вот ты пострадал именно потому, что проигнорировал ремень безопасности.

Цзинчэнь почувствовал себя крайне неловко. Цинь Ли явно нервничал.

— Где А Фэн и остальные?

Видя, что Ли потянулся к телефону, Цзинчэнь выпалил:

— Ли! Я помню, как ты летел двадцать часов только для того, чтобы увидеть меня. Раньше я не ценил этого. Но теперь я понял... я люблю тебя...

Слова замерли на его губах. Он опешил, глядя на Цинь Ли, который резко встал.

— Ты... кажется, авария всё-таки повредила тебе мозг, — с недоумением произнес Ли. — Это заблуждение. Я давно к тебе ничего не чувствую. Мы только друзья.

Сун Цзинчэнь побледнел.

— Но... а как же тот случай на мой день рождения?

— В тот день за рулем был Юй Шаонин. Я заснул, а когда проснулся — он уже привез меня в клуб.

— А та вещь моего отца? Ты ведь отдал три миллиона!

— Эти деньги я дал тебе в долг.

Цзинчэнь лишился дара речи. Цинь Ли направился к выходу, но у двери обернулся:

— Больше не делай так. Я не хочу, чтобы Муюнь что-то не так понял.

При упоминании этого имени брови Цзинчэня дрогнули. Видя, что Ли уходит, он вскочил:

— Цинь Ли! Давай сделаем вид, что я ничего не говорил!

Ли нахмурился:

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Я имею в виду, что мы останемся друзьями, верно? — Цзинчэнь был уверен, что Ли не сможет отказать. Он ведь столько раз отвергал Ли в прошлом, и тот никогда не обижался. Сун Цзинчэнь давно знал, что Ли в него влюблен, и использовал ложь о своей ориентации как предлог.

К его удивлению, Цинь Ли лишь сурово покачал головой:

— Прости. Муюнь очень болезненно относится к нашему прошлому. Поэтому я больше не буду с тобой встречаться.

С этими словами он вышел из зала. Уходя, он бросил:

— Те три миллиона... Передай долговую расписку через Юй Шаонина.

Цзинчэнь стоял как громом пораженный, пока в голове не вспыхнула резкая боль. Забытые воспоминания хлынули потоком. Он вспомнил. Всё вспомнил. Жгучий стыд и ярость захлестнули его. Не помня себя, Цзинчэнь смахнул со стола посуду. Глаза его налились кровью. Он жаждал расплаты.

В хаосе образов Цзинчэнь вдруг зацепился за один момент. Вечер его дня рождения. Пьяный Юй Шаонин что-то бессвязно бормотал...

О секрете Чэн Муюня.

<http://bllate.org/book/15360/1417627>